

А. П. ПОПОВ

Бирмингемский университет
Бирмингем

Встречи с Иваном Андреевичем Тортопиди*

16 ноября 2002 года в городе Салоники (Греция) ушел из жизни активный деятель греческого национально-культурного возрождения в России Иван Андреевич Тортопиди. Мы, редколлегия Бюллетеня, исследователи Центра понтийско-кавказских исследований, все, кто знал покойного и помнит ту помощь, которую он оказывал ученым, изучающим греческое наследие на Кавказе, выражаем соболезнования семье Ивана Андреевича, мы чтим добрую память этого достойного человека.

ИВАНОМ Андреевичем нас связывали долгая дружба и партнерские отношения. Он стал спонсором и одним из авторов третьего выпуска периодического издания Центра понтийско-кавказских исследований *Studia Pontocausica* "Понтийские греки". Как показало время, этот том оказался этапным для исследовательского коллектива Центра. В сборник вошли статьи, написанные на материалах исследований греческого населения Северо-Западного Кавказа, которые проводились нами с 1993 года. "Понтийские греки" определенным образом очерчивали "начальный" этап понтийских исследований нашего Центра и намечали новые перспективы в изучении культурных процессов среди этнических групп, которые исторически связаны с Понтом.

Скоропостижная смерть Ивана Андреевича стала шоком для его близких и родственников, но эта заметка пишется спустя семь месяцев, и поэтому она запоздала, чтобы быть просто некрологом. Я хотел бы поделиться здесь моими личными воспоминаниями об этом человеке, отметить тот след, который оставили встречи с ним в моей жизни и биографии антрополога, изучающего понтийское культурное наследие. На страницах этой статьи хотелось бы поразмышлять о той роли, которую играют люди, подобные Ивану Андреевичу, в этнографическом исследовании. Таким образом, целый ряд вопросов методологического свойства встал передо мной, когда я об-

думывал текст статьи. Как взаимоотношения между этнографом и людьми, среди которых он проводит исследования, влияют, с одной стороны, на исследовательский процесс, а с другой, на процессы, которые исследуются? Что является объектом исследования этнографии, если и наши исследования, и сама исследуемая реальность столь субъективно обусловленные феномены? И наконец, пожалуй, самый важный вопрос: для чего или для кого мы проводим наши исследования?

Вспоминая Ивана Андреевича, я возвращаюсь к нашим встречам. Однажды летом 1998 года, когда "Понтийские греки" уже были выпущены, Иван Андреевич пригласил Игоря Валерьевича Кузнецова и меня к себе в офис, который располагался в помещении его аптеки. Мы обсуждали проект следующего тома *Studia Pontocausica* "Понтийские греки 2". Я рассказал о планах написать статью о своей поездке в Понт в апреле 1997 года, тогда я побывал в селе Хамси-кей в окрестностях Мачки (Турция), население которого, являясь мусульманами, сохраняло в бытовом общении понтийский диалект. Иван Андреевич вдруг сказал, что у него есть карта-схема нескольких старых понтийских греческих сел как раз из района Мачки-Мацуки, он тут же достал из шкафа с бизнес-документацией широкий лист бумаги, на котором была сделана фотокопия карты начала двадцатого века, с подписями на греческом языке. Он подумывал опубликовать эту карту в готовящемся сборнике. К сожалению, этот том так и не увидел свет. В августе

* Идея написания этого текста родилась в беседе с Игорем Валерьевичем Кузнецовым. В процессе работы некоторые методологические проблемы, поднятые в статье, обсуждались с членами Центра понтийско-кавказских исследований В. Колесовым и И. Кузнецовым, хотя автор не может настаивать, что выражает точку зрения, которую в полной мере разделяют его коллеги.

1998 года грянул очередной финансовый кризис в России, Иван Андреевич полностью перенес свою деятельность в Грецию, переселившись к семье в Салоники. Но идея издать продолжение "Понтийских греков" его не покидала, на протяжении нескольких лет он возобновлял переговоры о выпуске книги. Нами были подготовлены рукописи статей, многие из которых были опубликованы позже в различных этнографических и исторических сборниках. Неутомимая энергия и энтузиазм Ивана Андреевича вселяли нам чувство востребованности нашей работы, его интерес к истории и культуре своего народа в определенном смысле был катализатором нашей исследовательской активности.

Наши деловые отношения в тот момент казались взаимозависимостью. Несмотря на наши неэквивалентные партнерские позиции мы понимали весомость финансовой поддержки Тортопиди, а он ощущал необходимость наших знаний. В то же время Иван Андреевич являлся для нас мостиком, который связывал нас с людьми, культурой и историей которых мы изучали. Его вера в то, что наша работа нужна его народу, придавала высший смысл нашей деятельности, он верил, что наши исследования могут принести пользу, могут послужить на благо людям, о которых мы пишем.

Несколько позже стало приходиться другое понимание нашего сотрудничества с Иваном Андреевичем Тортопиди. Часто информанты знакомы с книгой "Понтийские греки" и другими нашими работами, нередко они ссылаются на эти книги, соглашаясь с ними или критикуя наши наблюдения и анализ. Антропологами давно подмечено, что автор этнографического текста теряет контроль над своим произведением после его публикации¹. Одновременно возрастает возможность надления этнографического исследования новыми смыслами, которые не были изначально предусмотрены автором. Неодинаково может быть воспринята этнография академической аудиторией и обществом или группой, которая является ее объектом. В каком-то смысле чтение опубликованной этнографии уравнивает исследователей и исследуемых. Обсуждая с моими информантами том "Понтийские греки", я прихожу к выводу, что книга, выпущенная нами, сама стала частью культуры, которую она описывала, а мы, антропологи, участвуем наравне с нашими информантами в культурных процессах, нами исследуемых. Осознание собственной ответственности изучаемому обществу и культуре и ответственности за собственную работу является неотъемлемой частью идентичности антрополога.

Социо-культурная антропология как дисциплина, изучающая культурный и социальный опыт *другого* (other), имеет дело с культурными границами². Так как этнографическое исследование —

это часть интерактивного культурного процесса, в котором изучаемая реальность приобретает свои смыслы в ходе общения между участниками, то объектом современной этнографии становится самосознание участников культурного процесса, то есть исследование тех границ, которые сложились в идентичности как информантов, так и этнографов³.

Британский социальный исследователь Стюарт Хол представляет культурную идентичность дискурсивно конструируемым феноменом. "Свое" в процессе идентификации определяется через представление о "чужом". Таким образом, культурное самосознание индивида изначально неоднородно, оно включает в себя образ "чужого", который может меняться в зависимости от исторического, политического или социального контекста⁴. Множественная и смешанная природа культурной идентичности определяет ее неустойчивый, меняющийся характер. В то же время в повседневной жизни люди часто склонны подчеркивать постоянство своего самосознания через реконструкцию своей принадлежности к культурным, этническим или социальным группам. Биографические повествования являются самым наглядным примером такого повседневного представления людей о своем культурном постоянстве. Пьер Бурдьё называл иллюзорной такую неизменность идентичности в биографиях. Он утверждал, что история собственной жизни — это не что иное, как траектория социальной карьеры человека, переосмысленная и соотношенная с позициями его в момент, когда это повествование было создано. Бурдьё видел в биографии как нарративизации идентичности проявление *габитуса* (habitus) человека, то есть его навыков ориентироваться среди культурных, социальных, экономических и политических структур, которые и составляют реальность повседневности⁵.

Наши биографии пересеклись задолго до моего знакомства с Иваном Андреевичем. Кроме партнерских или более сложных отношений между этнографом и представителем исследуемой группы нас связывала еще и история наших семей. Род Тортопиди обосновался в станице Северской Краснодарского края после переселения из Понта в начале двадцатого века, туда же они вернулись из сталинской ссылки в Северном Казахстане в 1967 году. В Северской Иван Андреевич провел свое детство, там жили его родители и многочисленные родственники.

Мои дедушка и бабушка приехали в Северскую в 1949 году, спасаясь от повторной волны репрессий, которая прокатилась по послевоенной Бессарабии, где они тогда жили. Они купили дом высланных греков у соседей, которым репрессированные хозяева доверили распоряжаться имуществом (деньги за дом потом были посланы по-

чтовым переводом в спецпоселение, в Северный Казахстан). В 1975 году я родился в станице Северской, где продолжают жить по сей день родители моей матери. Таким образом, наше сотрудничество с Иваном Андреевичем приобретает для меня почти "естественное" объяснение в прошлом наших семей.

Я познакомился с семьей Тортопиди в 1995 году, примерно за год до первой нашей встречи с Иваном Андреевичем. Трое молодых этнографов, тогда студентов исторического факультета КубГУ, собирали полевые материалы среди греческого населения станицы Северской. В дом, где мы брали интервью, зашла соседка, мать Ивана Андреевича, Елена Пантелеевна. Потом мы пошли в ее двор и познакомился с отцом Ивана Андреевича Андреем Пантелеевичем, который был одним из последних кеменджичи в Северском районе. Прошло пять лет, и в мае 2000 года Андрей Пантелеевич был приглашен играть на своей лире на "круглом столе", который был посвящен понтийской кемендже и культурному наследию этнических групп, происходящих из Понта, но проживающих на Северо-Западном Кавказе. "Круглый стол" этот был организован Центром понтийско-кавказских исследований в стенах Кубанского университета. Андрей Пантелеевич долго отказывался ехать, он был в трауре, Елена Пантелеевна умерла в 1999 году, но после звонка сыну в Салоники согласился.

Этот "круглый стол" задумывался как своего рода фестиваль понтийской культуры, на него были приглашены музыканты -- представители трех этнических групп, чьи предки когда-то были соседями в Понте, - греки, амшенские армяне и хемшилы. Мы, антропологи, предприняли этот своеобразный эксперимент, собрали вместе людей, чьи народы уже почти сто лет жили вдали от их "исторической родины" и в отрыве друг от друга. В центре нашего исследовательского внимания было субстратное единство культур различных понтийских групп и исторически сложившиеся различия между ними. Другими словами, нас интересовали стили понтийской культуры в преломлении этнических и конфессиональных границ. Но Понт как культурное единство, пусть лишь на субстратном уровне, существовал тогда только в нашем профессиональном сознании. Народные музыканты с удивлением для себя обнаружили на том "круглом столе", что своеобразная понтийская кемендже, музыкальный инструмент, который они до того считали уникальным только для своего народа, оказалась столь же традиционным и для других. Они с удивлением отождествляли разное произношение названий одних и тех же танцев, поражались сходству мелодий и танцевальных движений. Для них существование "единой понтийской культуры" стало открытием, а для

нас это было частью нашей профессиональной идентичности. Более того, эти люди, возможно, никогда не встретились бы и не играли на своих скрипках в одном зале, если бы мы не осознавали некую связь, с одной стороны, между ними как "наследниками" понтийской культурной традиции, а с другой стороны, нас как ученых, занимающихся понтийскими исследованиями, с ними.

Этнография – это интерактивная практика, поэтому она не может быть только о других, она еще и о себе. Если взаимоотношения информантов с исследователем влияют на представления представителей изучаемого общества о себе, то и самосознание этнографа меняется в ходе контактов с информантами. Тогда, в 2000 году, я пригласил принять участие в "круглом столе" моего деда. Андрей Пантелеевич хорошо знал моего дедушку по колхозу, они жили в одной станице, и мне казалось, что ему будет интереснее и комфортнее, если среди присутствующих будет его сверстник и станичник. Вместе с тем присутствие моего деда на этом узкопрофессиональном мероприятии и мое особое отношение к похожести биографий его и Андрея Пантелеевича на каком-то метонимическом уровне связывали мое происхождение с понтийскими корнями кеменджичи, приглашенных на этот круглый стол. Такая реконструкция собственной семейной истории придавала смысл некой аутентичности моему изучению понтийского культурного наследия, она также способствовала установлению интимной, личностной теплоты в моем отношении к людям, которые на профессиональном жаргоне холодно зовутся информантами.

Иван Андреевич Тортопиди стал моим информантом в сентябре 2002 года. Тогда он приехал из Салоник, сопровождая свою дочку, которая поступала в один из вузов Краснодара. Мы встретились в Северской в доме матери его жены. Я взял у него биографическое интервью. Меня интересовало его видение истории греческого национально-культурного движения на постсоветском пространстве и его участие в нем. У меня также было поручение от нашего центра - попросить у него несколько экземпляров "Понтийских греков", так как книга пользовалась большим спросом среди специалистов, занимающихся изучением Понтийско-Кавказского региона, а наша авторская часть тиража уже давно иссякла.

Когда наше интервью уже закончилось, в комнату вошла бабушка жены Ивана Андреевича, девятилетняя София Антоновна. Бабушка София родилась в 1910 году в Понте, в селе Килад, что находилось в окрестностях Трабзона, ее семья переселилась на Северный Кавказ, когда ей было девять лет. Ее воспоминания о детстве были для меня живым источником сведений о культурных реалиях жизни в османском Понте. Она

рассказывала о тайных христианах, крифи, которые приходили в их село, чтобы тайно крестить своих детей. До сих пор нет в науке единого мнения о природе исламо-христианского синкретизма и характере религиозных верований понтийских криптохристиан⁶, но в истории бабушки Софии все было очень просто и буднично. Для нее *крифи* были как турки, не только потому, что говорили по-турецки (многие из них говорили также на понтийском греческом, как большинство греков-христиан), но потому что они были одеты "подеревенски". Сельский костюмный комплекс в начале двадцатого века в понтийском культурном контексте был в большей степени характерен для тех этнических групп региона, которые исповедывали ислам. В то время как греки в пригородных селах носили уже одежду, в которой присутствовали элементы городского европейского платья.

Навсегда запечатлелись в ее памяти жестокость и кошмар геноцида против армян, когда в 1915-1922 годах практически полностью исчезло армянское население в Понте. Она рассказывала, как на протяжении нескольких месяцев в подвале дома ее родителей пряталась армянская семья, спасаясь от турецкой резни. Однажды в начале 1990-х, во время поездки в Грецию, она встретила мужчину, который был ребенком в той спасенной ее родителями семье, они долго и очень тепло разговаривали, и для них по-прежнему не было ни этнических, ни конфессиональных границ.

Общаясь с Софией Антоновной и другими пожилыми информантами, мы становимся хранителями их культурного опыта. Их воспоминания о жизни вдали от их нынешних мест проживания на юге России, о предках или членах семьи, которые оказались разбросаны по свету, становятся частью нашей профессиональной памяти. И вот я ловлю себя на мысли, что, пожалуй, мало кто из правнуков бабушки Софии знает, что при переселении из Понта ее родители сменили свою старую османскую фамилию Таракчиоглы на ее греческую кальку - Ктениди. Свидетельства исторических трансформаций, повлиявших на идентичность наших информантов, которые мы находим в их семейных историях, неотъемлемо входят в наш личный опыт восприятия действительности, в наше "гибридное" сознание⁷.

Не знаю, можно ли говорить о какой-либо эволюции наших отношений с Иваном Андреевичем, но та последняя наша встреча была как-то особенно теплой и дружеской. Вместе с тем целью нашей беседы было этнографическое интервью, а мой визит в дом родственников Тортопиди был частью моих полевых исследований. Сложная этическая проблема встает перед каждым этнографом в момент написания этнографии, как описать строгим научным языком те многогран-

ные взаимоотношения, которые складываются между исследователем и информантами. Люди, к которым мы приходим с вопросами, принимают нас как гостей, мы становимся друзьями в процессе длительного сотрудничества, мы принимаем их гостеприимство и дружбу. Чем мы можем отблагодарить, что мы можем предложить взамен, что ожидают от нас наши информанты? Является ли наша стилистически жесткая этнография достаточным выражением благодарности, может ли она выразить нашу признательность информантам и приносит ли она реальную помощь им? Ответить на эти вопросы нелегко, еще труднее найти ответ, если приходится писать о людях, которые уже ушли из жизни. Многих, о ком идет речь в этой заметке, уже нет в живых: отец Ивана Андреевича, Андрей Пантелеевич, пережил сына всего на два месяца, он скончался в январе 2003 года; бабушка София умерла в феврале того же года. Не предаю ли я дружбу с ними и их теплую отзывчивость к моим нуждам, описывая наши взаимоотношения здесь? Не является ли этот текст торжеством холодной научной рассудочности над таким человеческим чувством, как светлая и добрая память об умерших?

В этом выпуске Бюллетеня публикуется наше интервью с Иваном Андреевичем, это история его жизни. Характеризуя биографическое интервью, Сэлли Макбет пишет, что смысл такого интервью не в том, чтобы получить общее представление, как общество формирует человека, а показать, каким образом люди приспосабливаются, обходят или преодолевают трудности социальной реальности. История жизни человека подчеркивает роль индивидуума как представителя культуры, существование культуры возможно только через жизненный опыт конкретных людей⁸. Интервью с Иваном Андреевичем Тортопиди передает голос человека, который любил свой народ и всеми силами хотел сохранить культурное наследие понтийских греков. Но это интервью еще и плод нашего сотрудничества, оно появилось как размышления Ивана Андреевича о своем прошлом и о планах на будущее, я же был участником и отчасти причиной этих рассуждений. Опубликованное интервью само становится частью культуры. Голос Ивана Андреевича продолжает звучать и после его смерти, приглашая в собеседники читательскую аудиторию, оно становится частью жизни читателей. Данная заметка родилась после прочтения интервью как воспоминания о той нашей беседе. Череду размышлений, которая составляет канву этого текста, странным образом служит сохранению понтийской культуры, ведь культура это и есть те смыслы, которыми люди наделяют окружающую их действительность. Все это дает нам надежду, что, продолжая писать, мы выполняем свой долг перед нашими информантами.

**Интервью с Иваном Андреевичем Тортопиди,
станция Северская, Краснодарский край, РФ, 22.09.2002 г.
(записал А. Попов)***

А.: Пытаюсь внедрять в диссертацию биографическое, интервью называется, человек рассказывает о себе то, что считает нужным. Потом задаю какие-то вопросы.

И. А.: Кратко, да?

А.: Ну интервью у нас короткое, много у нас не получится.

И. А.: Значит, Тортопиди Иван Андреевич, рожден в пятьдесят пятом году (1955 г.), Северный Казахстан, Павлодарская область, Железновский район. Жили мы там, как потом выяснилось, в спецпоселениях высланных из Краснодарского края в сорок втором году (1942 г.). Значит, в школу пошел в шестьдесят втором (1962 г.), отучился там четыре года, и в шестьдесят пятом году (1965 г.) мы в связи с переездом переехали сюда, на Кубань, здесь я пошел в семилетнюю школу, станция Северская, Северский район. Собственно, родители вернулись туда, откуда их выслали, и мать и отец рождены здесь. В семьдесят втором году (1972 г.) закончил школу 43-ю, поступил в сахарный техникум на (в записи неразборчиво) факультет. В техникуме был призван в армию, служил в Бакинской ПВО. В семьдесят шестом (1976 г.) отслужил, в ноябре пришел, устроился на работу на Афицкий газобензиновый завод. Работал там, поступил, уже в техникум не стал возвращаться, поступил в Политехнический институт на газфак, и вот в политехническом институте и дальше формировал свою жизнь. Там я с 3 курса стал освобожденным работником, в 83-м закончил институт, был направлен в аспирантуру и одновременно был избран председателем профкома института. Профком очень мощный, параллельно учился в аспирантуре, ну не параллельно, там небольшая разница есть по времени. Аспирантуру закончил, очно, сдал все экзамены, вышел на защиту, и в восемьдесят каком? был приглашен на административную работу в крайисполком. Меня пригласили на должность руководителя группы развития внешнеэкономических связей администрации Краснодарского края, значит, Кипр, Турция, Греция. Я организовывал встречи с первыми лицами государств, крупнейших компаний, программы встреч, программы переговоров.

А.: Это какой год был?

И. А.: Это был восемьдесят восьмой - девяносто второй (1988-92 гг.). Вот в это время я как раз очень много поездил по Кипру и в Турцию, и в Грецию. А после распада Союза, то есть в девяносто третьем году (1993 г.), да, я уже из администрации ушел, зарегистрировал свои фирмы, начал работать как частный владелец, параллельно работал с..., была совместная фирма Термнефть. Работали, у нас была фирма, был магазин, была аптечная база, а уже когда в девяносто восьмом (1998 г.), в августе, произошло резкое падение, я после этого все закрыл. Какой же это год, в девяносто пятом (1995 г.), подожди, падение доллара в девяносто восьмом (1998 г.) произошло? Правильно. Я в девяносто пятом (1995 г.) вывез семью в Грецию, сам здесь работал, а в девяносто восьмом (1998 г.), когда все произошло, я уже сам все свернул и уехал. На сегодняшний день я в Греции, есть там небольшое дело, в виде магазинов, параллельно работаю с российскими партнерами, но сейчас решил более серьезно. Во-первых, зарегистрировали греко-российскую ассоциацию деловых партнеров, уже сейчас заканчивается регистрация и уже у нас были очень серьезные делегации, одна из Башкирии, одна из Мордовии, первые лица, которые очень заинтересованы в греческом рынке. Вот сейчас начинаем работать. Также я провел переговоры в Москве, интересные по программам, которые возможны для внедрения, по внедрению новейших российских технологий на греческий, а также на близлежащие регионы, например, есть новейшая технология, разработанная российскими учеными, это оборудование на базе плазмы по устранению бытовых отходов, причем абсолютно экологически чистое. Вот этот один из путей и другие чисто коммерческие, потому что эти проекты очень интересные, под это дело выделяются очень большие программы и деньги Евросоюзом, это дает возможность поддержать российских ученых и...

А.: Почему вы решили вывезти в Грецию свою семью?

И. А.: Здесь одним вопросом никак не ответишь, здесь несколько вопросов. Одним из важных вопросов в то время было, что я, как раз я работал неплохо, опасения за детей постоянные,

* Интервью публикуется с разрешения родственников Ивана Андреевича Тортопиди. Редколлегия выражает благодарность Альписе Федоровне Томпиди, матери вдовы И. А. Тортопиди, и его шурина Дмитрию Константиновичу Томпиди, которые нашли время ознакомиться с текстом интервью и согласились на его публикацию.

как раз происходили эти, у одного украли ребенка, у другого украли. У меня жена решила, дети у меня уже взрослые были, жена начала говорить мне, что дети были более безопасны. Второй вопрос, я в принципе знал, как работают в Греции, здесь очень законодательная база по работе, когда ты работаешь, каждый день, то с одной, то с другой стороны что-то требуют, то есть ты не знаешь четко отработанного механизма. Это очень важно. И третье, это, конечно, девяносто восьмой год (1998 г.), когда за одну ночь, в связи с тем, что у меня все товары, все было импортное, за одну ночь, ну нельзя сказать, что я стал в минусе большим, но славу богу, у меня весь товар был на складе, если бы я товар раздал, то у меня была бы катастрофа. Это был толчок, так сказать, и я поставил точку.

А.: А когда в девяносто пятом (1995 г.) ехали в Грецию, вы ехали к кому-то?

И. А.: Нет, уехали, ну я-то знал уже, я в Греции с восемьдесят шестого (1986 г.) имею отношения, чисто административные были и людей знал. Я перед этим поехал туда, снял квартиру, подготовил и с семьей уехал туда.

А.: А были трудности с оформлением документов?

И. А.: У нас никаких документов, никаких проблем не было. У меня лично не было, потому что у меня мой отец, дед, его сестра, все документы были в архиве. Греческое посольство.

А.: Грекоподданные?

И. А.: Грекоподданные, Эллинское королевство, и никаких проблем не было, я до сих пор помню свой архивный номер, дали мне, никаких проблем.

А.: А вот не знаете, каким образом получали документы Эллинского королевства в то время в 30-е годы?

И. А.: А тогда делалось так, это рассказывал дед мой, когда он приехал сюда, уже жил здесь, он сюда приехал то ли в четырнадцатом (1914 г.), то ли в шестнадцатом году (1916 г.), дед из Турции, то через какое-то время здесь сформировались группы, общества, кто-то из них ездил в Москву и там регистрировались и там выдавали "Эллинское королевство".

А.: Они, что, планировали переезжать в Грецию тогда?

И. А.: Ну не знаю, может, у них планировалось не поехать в Грецию, а вернуться в Турцию, они же не знали, что будет дальше, ну, по крайней мере, они все, практически все, были зарегистрированы. Я этого не знал, а потом уже в восемьдесят четвертом году (1984 г.) мне подсказали, я позвонил с одним человеком, и действительно мне нашли и я пошел, дали мне номер.

А.: А кто занимался в то время, в девяносто пятом году (1995 г.), в котором, кто занимался в Греции, какой департамент, какое министерство?

И. А.: В то время было по-другому. Если ты хочешь получить гражданство, едешь в консульство в Москву, только в Москве это было, там, если ты в архиве находишься, тебе сразу выписывают все документы на паспорт. Ты приезжаешь в Грецию, ты имеешь паспорт. Так было с моей семьей и со мной. А приехали в Грецию, мы с этими документами, пошли через полицию, нам выдали "апофоси", внутренний паспорт Греции и все условия, как обычный местный человек, так и мы начали пользоваться, и так далее. Там единственное, когда приезжаешь в Грецию, показываешь договор на снятие квартиры, на основании этого договора, по месту, где ты живешь, оформляют твой "апофоси", и по месту, где ты живешь, в администрации, в архиве, оформляешься. Третий пацан, на него получали пособие и голосование.

А.: А ваша жена работала?

И. А.: И жена работает, да. Жена тоже работает, там небольшой магазин, она тоже работает.

А.: Я знаю, что вы с греческим обществом сотрудничали.

И. А.: И сотрудничаю.

А.: Да, и сотрудничаете, можете чуть про это рассказать, когда началось, как?

И. А.: Первый съезд греков в каком году был, ты не помнишь, в восемьдесят девятом (1989 г.), Всесоюзный. О, дело в том, что уже в восемьдесят пятом (1985 г.), в восемьдесят третьем году (1983 г.) я занимался созданием общества в Краснодаре, уже чуть позже, когда мы до этого дошли, я работал в администрации, то в связи с этим я не мог быть, то избрали Маврополо. После этого уже начали формироваться союзные структуры по обществу. В каждой республике было создано ВОГ (Всесоюзное объединение греков). Тогда был избран председателем Попов. Значит, была создана Национальная палата, и в отдел экономики я тоже был избран. Это мы поработали там года три, а потом произошли перевыборы, там Костя Дмитриев стал председателем ВОГ. В принципе я тесно так помогал и сотрудничал, а так, чтоб сказать был в работе, постоянно в связи, но не был в обществе.

А.: А идея создать общество возникла у кого?

И. А.: У меня с Костей.

А.: А как, это была группа?

И. А.: Ну когда я там работал постоянно, люди ко мне приходили, в том числе и греки, мы это говорили, обсуждали. Идея-то она витала, но

никто не брался ее исполнить, выполнить. Мы взяли, это выполнили. Собрали людей и выбрали руководство именно общества Краснодара.

А.: А когда создавалось общество, была идея создания понтийского общества или как бы понтийское не фигурировало?

И. А.: Нет, греческое общество, понтийского не было. Вообще, откровенно, понятия понтийского не было.

А.: А когда появилось?

И. А.: Это уже появляется, когда поехали в Грецию, приехали, там в связи с тем, что не говорят Греция, говорят понтийское общество, понтийцы, там местное, эллины-понтийцы, имеет деление. А вообще я считаю, что здесь не говорят понтийское, говорят греческое общество, общество греков и Всесоюзное объединение греков, не говорят же понтийских греков. И в Грузии то же самое, там, например, председатель объединения греков Грузии, но не понтийских. Понятие понтийских здесь не является, чтоб здесь говорили, греки и все.

А.: А вот в Греции там действует и общество, а вот вы там входите в какое-нибудь общество?

И. А.: Да.

А.: А в какое?

И. А.: Там структура такая, с каждой деревни кто приехал, собираются и делают общество. Вот я вхожу в одно из обществ, которое создал Андрей Михайлиди, он из Грузии.

А.: Как называется?

И. А.: Как называется, забыл, Лия, Лия. Но активно участия не принимаю, поддерживаю все время. Просто у нас сейчас с Костей идея, просто мы хотим сейчас сделать общество соотечественников России. Мы это сейчас подготовили документы, и мы будем регистрировать общество именно соотечественников из России, без понятия понтийских и так далее.

А.: Почему?

И. А.: Потому что в связи с тем, что Россия стала уделять своим соотечественникам внимание, ну хотя бы законодательно ищет пути и так далее, особенно после заявления Путина, надо обращаться к своим соотечественникам и с ними работать, вот это мы делаем так, чтобы объединить не только понтийских греков, но и всех остальных, и русские, и украинцы и так далее - все, кто из России.

А.: А вот основная деятельность того общества, в которое вы сейчас входите?

И. А.: Основная деятельность - чисто организация каких-то там, во-первых, у них есть кружки танцевальные, есть обучение на национальном инструменте, на лире, на кямендже, вечера и все.

Они особенно не..., ну и когда выборы идут, они там помогают той партии..., которую поддерживают.

А.: А что это за партия?

И. А.: ... Это *Социалистическая партия Греции*. Всегреческая, *Полиэллиниё социалистическая партия Греции - Посок*. Она сейчас у власти. Есть *Найдемократия*, она более правая там.

А.: А вот я смотрел последний выпуск *Эвксинос Понтос* и там тоже партийные дела проводятся, и там за *Неодемократия* больше, почему?

И. А.: Сейчас, кстати, пошел раскол во власти сильный, в связи с тем, что *Посок* очень много не выполнил, то, что обещал, и обманул народ, в том числе и греческие движения, наши понтийские, понтийцев. Они раскололись, очень многие ушли в сторону *Найдемократия*. Раньше все сто процентов общества голосовали за *Посок*.

А.: А что конкретно дает для понтийцев, какие обещания?

И. А.: Ну *Посок*, дело в том, что строительство деревень, льготные невозвратные кредиты, быстрое оформление документов, быстрая регистрация дипломов - те проблемы, которые возникают сразу, когда человек приезжает, работа и так далее, на что *Найдемократия* всегда очень жестко, даже вплоть до. А сейчас в связи с тем, что *Посок* пообещал все это на предыдущих выборах, многое не сделали, открытым текстом просто обманули людей, то очень многие просто ушли в сторону *Найдемократия*, но сейчас последние две-три недели *Посок* предпринимает какие-то шаги, которыми хочет как бы исправить свой имидж. Я последние две недели не знаю, что там произошло, а вот, как вот было сказано, очень многое менять в сторону того, что они пообещали.

А.: Говорили, что многие уехали из Северной, а куда в основном?

И. А.: В основном в Северную Грецию, нет, даже нельзя сказать, что в северную. Есть в Северной, всех, кого я знаю, живут в районе Драммы, Салоники, Александрополис, Ксанти.

А.: По "программе" в основном уезжали?

И. А.: Нет, по "программе" очень мало. По "программе" уехала моя сестра, я им помогал.

А.: Когда?

И. А.: Когда в Сухуми война была?

А.: В девяносто втором - девяносто четвертом (1992-94 гг.).

И. А.: Они уехали в девяносто третьем, в девяносто четвертом уехали.

А.: А почему, они как-то с Сухуми были связаны?

И. А.: Ну они в Сухуми жили, сестра моя.

А.: Родная?

И. А.: Да. Она замужем за сухумцем. Там она жила, она приехала, здесь они пожилы немножко и уехали по "программе", но они из "программы" вышли через полгода, я им сам сказал выезжать оттуда ради детей и семьи.

А.: А как получилось, что она за сухумца вышла?

И. А.: Ну здесь познакомилась, где-то на свадьбе познакомилась, она младшая.

А.: А сейчас где они живут в Греции?

И. А.: Сейчас они живут в Салониках, взяли кредит, взяли квартиру, работают все.

А.: А вот меня такой вопрос интересует, те, которые уезжали из Северной, они контакты поддерживают между собой?

И. А.: Там, между собой, конечно, постоянно. Кстати, вот вчера там свадьба была, северская семья Хачиникиди, ну будем так из Новоукраинки Симиниди, жена его Хачиникиди, выдавали замуж свою дочь за парня, который к грекам никакого отношения не имеет, он приехал из Тбилисской. По-моему, он - казак, он за ней ухаживал, он даже там без документов, но за счет того, что у нее есть документы, он получит документы греческие.

А.: Но они северские?

И. А.: Да, вот Надя Хачиникиди, она северская, он - Коля Симиниди, он из Новоукраинской. Авраама сестра, Надя, у них еще одна сестра есть, их две сестры там, а еще брат, сестра, Авраам и младшая сестра они здесь.

А.: А какие семьи уехали, вот так вот, если по фамилиям?

И. А.: Ох, Тамбаиди, Хачиникиди, Параскевопуло, часть семьи, три, Меймороиди, Иониди, теперь, как же это фамилия, Тома Шенгелиди, Мавриди Коля, Ваня Мавриди там умер, Париизиди.

А.: Ну они все уехали, часть семьи здесь осталась, часть там?

И. А.: Да. Ни одна семья полностью не уехала и приезжают. Все обязательно каким-то образом есть. Собственно, ни одна семья не уехала полностью, я имею в виду старики, либо половина, либо четверть здесь.

А.: Еще такой вопрос, то, что семья из Турции, когда вы узнали?

И. А.: О, я знал это давно, еще когда маленький был, мне дедушка рассказывал.

А.: Ну что он говорил?

И. А.: Он говорил, откуда он приехал, как они жили, где они жили, какой у него дом был, как они там жили, кто работал, где работали, все это он рассказывал.

А.: А много людей было из Платаны (Род

Тортопиди происходит из поселка Платана, ныне это пригород Трабзона Акчаабад)?

И. А.: Очень много, собственно говоря, из Трапезунда, из этой деревни Платана все, кто большинство, кто приехал, они все оттуда.

А.: Вы можете по фамилиям перечислить?

И. А.: Антон, ты меня сейчас, во-первых, эти Мавриди, ну нельзя сказать, они из Платана, Керасунда, Самсуна, либо он оттуда, она оттуда. Моя теща она из Самсуна, бабушка из ... Вот этот регион Трабзон, Самсун, вот из этих регионов.

А.: Ну жили все компактно в Северной или в хуторах вокруг Северной?

И. А.: В хуторах. Отец мой и мать жили здесь. Вот бабушка жила в хуторе и так далее. Параскелопуло жили часть здесь, часть в Азовке, под Ильской там была деревня, вот так, таким образом.

А.: На какие праздники, что собиралась греческая общественность, какие помните, чтобы считалось, это своя компания?

И. А.: Самые, самые, большой праздник это 28 августа, Панаия.

А.: Здесь?

И. А.: Или здесь, или под Новороссийском.

А.: Ниберджай?

И. А.: Да.

А.: А с какого времени?

И. А.: С восьмидесятых, вообще-то это было очень давно, я когда первый раз поехал в восемьдесят пятом году (1985 г.). В восемьдесят пятом туда, там еще все было неорганизованно. Сейчас это сделали там, и церквушку поставили, тогда это было, но были такие, которые туда ездили гораздо раньше, на этот праздник. Вообще-то мы праздновали праздник 25 марта, День независимости Греции, 28 октября, День Охи, это уже сюда в восемьдесят шестом-седьмом годах (1986-1987 гг.), но были и те, которые раньше праздновали, было запрещено и так далее. А день Панаии, его знали и отмечали раньше, я его стал в эти годы.

А.: А в Казахстане такие праздники отмечали?

И. А.: Нет, в Казахстане нет.

А.: А в Казахстане когда жили, откуда были люди?

И. А.: Вот в моей деревне были немцы, греки, чеченцы, китайцы и немного русских, казахи.

А.: А греки были откуда?

И. А.: Ну здесь все наши были.

А.: Из Северной?

И. А.: Да, высылали полностью в кошару поселили, как выслали отсюда и в кошару привезли 60 семей, поселили и все.

Примечания

- ¹ Burawoy, Michael. The Extended Case Method. In: *Sociological Theory*. 1998. 16 (1). P. 17; Murphy, Elizabeth and Dingwall, Robert. The Ethics of Ethnography. In: P. Atkinson, A. Coffey, S. Delamont, J. Lofland and L. Lofland (eds.). *Handbook of Ethnography*. London: Sage, 2001. P. 342; Brettell, Caroline B. Introduction: Fieldwork, Text, and Audience. In: C. B. Brettell (ed.), *When They Read What We Write: The Politics of Ethnography*. London: Bergin and Garvey, 1993. P. 16-20.
- ² Marcus, George E. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. In: *Annual Review of Anthropology*. 1995. 24. P. 95-117.
- ³ Joseph, Suad. Relationality and Ethnographic Subjectivity: Key Informants and the Construction of Personhood in Fieldwork. In: D. L. Wolf (ed.), *Feminist Dilemmas in Fieldwork*. Oxford: Westview Press, 1996. P. 107-121; Clifford, James. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1997; Marcus. *Ibid.*
- ⁴ Hall, Stuart. Ethnicity: Identity and Difference. In: G. Eley and R. G. Suny (eds.), *Becoming National. A Reader*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 344.
- ⁵ Bourdieu, Pierre. The biographical illusion. In: P. du Gay, J. Evans & P. Redman (eds.). *Identity: A Reader*, London: Sage, 2000. P. 297-303.
- ⁶ Несмотря на то что в европейских источниках второй половины XIX - начала XX вв. понтийское криптохристианство (секты кромли или ставриотов) представлялось как форма религиозного сопротивления грекоязычного населения, политики исламизации, якобы проводившейся османской администрацией (Чихачев П. А. Письма из Турции. М., 1960; Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1967; Пальгrev Дж. Отчет о провинциях Трапезондской, Сивасской, Кастамунийской и части Ангорской Консула В. Джиффорда Пальгрева. Пер. с англ. Ф. В. Ячевского // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 7. Вып. 1. Тифлис, 1881), британский историограф Понта Энтони Брайер склонен видеть в религиозном синкретизме кромли, ставриотов или крифи народные верования сельского населения региона, в которых религиозные обряды ислама и христианства совмещались в качестве своеобразной перестраховки - "как пояс и подтяжки на одних штанах" (из личной беседы с Э. Брайером, декабрь 2002). Истоки понтийского криптохристианства, по мнению Э. Брайера, следует искать в длительных контактах понтийских христиан с туркменами-алаявитами, которые селятся на границах византийской фемы Халдия в XII веке. Алявиты, как сектанты-шииты, занимали маргинальное положение в отношении суннитского ислама Османской империи, что делало этническую и конфессиональную границу между ними и христианским населением прозрачной (Bryer, Anthony. *Greeks and Turkmens: The Pontic Exception*. In: A. Bryer, *The Empire of Trebizond and the Pontos* (Collected Studies Series). London: Variorum Reprints, 1980. P. 142). Другой причиной устойчивого характера тайного христианства в Трапезундском вилайете может быть особый сословный статус углежогов и металлургов, которым был наделен ряд сельских греческих обществ. Эти группы пользовались привилегиями, сближавшими их с мусульманским населением империи, и которых были лишены остальные христианерайя (Bryer, Anthony. *The Pontic Revival and the New Greece*. In: *Ibid.* P. 176-179).
- ⁷ Clifford, James. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. P. 77.
- ⁸ McBeth, Sally. Myths of Objectivity and the Collaborative Process in Life History Research. In: C. B. Brettell (ed.). *When They Read What We Write: The Politics of Ethnography*. London: Bergin and Garvey, 1993. P. 150.

Anton POPOV**Meetings with Ivan Andreievich Tortopidi**

This is the reflection of Anton Popov, PhD student at the university of Birmingham and a member of the Center for Pontic and Caucasian Studies, about Ivan Andreievich Tortopidi, one of the key figures in Pontic Greek movement in Russia. He died on the 16th of November 2002 and this article is a reflection and tribute to this man, who played an invaluable role in the research of the Pontic Greek culture. The article covers all of the period of his acquaintance with Ivan Andreievich. Here the author tries to analyze the meaning and significance of such relations for his own development as a scholar and anthropologist.

The text, following the article, is a record of biographical interviews of Anton Popov with Ivan Andreievich Tortopidi in 2002.

